

Л.И. Зубкова (Воронеж)

**РУССКОЕ СУФФИКСАЛЬНОЕ ИМЯ НА –КА
В КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЕ**

Статья посвящена национально-культурной специфике русских личных имён на *-ка* и проблеме их перевода.

The article discusses culturally specific connotations of Russian proper names ending in *-ka* and issues related to using them in translated texts.

Национально-культурная специфика суффиксов проявляется, прежде всего, в том, что русский и английский языки не содержат аналогичных суффиксальных элементов, и, во-вторых, количество суффиксов для образования производных форм личного имени собственного в русском языке намного больше, чем в английском. Это объясняется тем, что «в английском языке, в отличие от русского, дериваты личных имён слабо связаны с их полной формой» (Чернобров 1994: 9). Они перестают восприниматься как таковые, приобретают статус самостоятельных имён, и, таким образом, происходит процесс сепаратизации полной формы личных имён и образованных от них дериватов (Белецкий 1972: 59), которые могут функционировать в качестве официальных имён лиц, что совершенно не свойственно русской антропонимической системе.

В реальном тексте имена и их формы подбираются или создаются автором с целью достижения определённого коммуникативного эффекта. Адресат в данном случае – не отдельный человек, а некоторое множество потенциальных представителей определённой лингвокультурной общности, способных адекватно воспринять полученную информацию, имплицитно присутствующую в антропонимических лексических единицах. Задача проведённого исследования заключалась в рассмотрении возможностей сохранения эмоционально-оценочных оттенков имён с суффиксом *-к-* при переводе на английский язык.

Антропонимические суффиксы – яркие и важные языковые средства, способствующие усилению эмоционально-оценочных возможностей русского личного имени собственного, появлению у него дополнительных коннотаций. Прежде чем эти варианты личных имён закрепились в русском языке, они прошли долгий путь развития. Каждое личное имя собственное

является компонентом макропарадигмы всей системы антропонимикона того или иного периода развития языка, чутко и достаточно быстро реагируя на любые изменения, происходящие в обществе, но оно является компонентом минипарадигмы. Антропонимический суффикс *-к-* также имеет свою историю, наложившую отпечаток на восприятие производных форм имени.

В грамотах XV в., как указывает И.А. Королева, самый распространенный формант личного имени – суффикс *-к-* – не имел никакой социальной и стилистической дифференциации, за счет высокой активности формы имён с ним становятся своеобразными казенными штампами (Королёва 2000: 140, 151). В период Московского абсолютизма в XVI-XVII вв. формы имён на *-ка/ко* встречаются наиболее часто, но они уже приобретают уничижительную коннотацию, выражая униженное положение именуемого по отношению к более могущественному лицу: «Бояре и прочие лица верхов стали перед лицом великого князя *Юрками, Васьками, Денисками*, а по отношению к низшим классам «государями» (Селищев 1968: 126-127). Эта форма стала обязательной в XVII в. В.А. Никонов также отмечает, что «даже боярин в челобитной царю именовал себя «холоп твой Ивашко» (Никонов 1969: 76). Позднее вышестоящие стали называть этой формой нижестоящих, не скрывая своего пренебрежения к ним. Старинный русский этикет о намеренном унижении себя при общении с вышестоящим был в ходу в течение длительного времени вплоть до специального указа Петра I. Сниженную стилистическую окраску форм типа *Петька, Нюрка* имел в виду В.Г. Белинский, писавший об ужасном зрелище в своей крепостной стране, где «люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*». Следовательно, социально окрашенными могут быть не только определённые имена антропонимикона, но и суффиксальные варианты имени.

Как показывает проведенный анализ по произведениям Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и Василия Шукшина социальная дифференциация имён в настоящее время отсутствует, хотя социальная окраска имени, как отмечают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, все ещё ощущается носителями языка (Верещагин, Костомаров 1980: 57). Обладая коннотативным признаком грубоватой фамильярности, формы на *-ка / -ха* придают общению стилистическую

сниженность и могут быть неоднозначно социолингвистически истолкованы. И поныне, как показывают примеры из анализируемых произведений, суффиксальная форма на *-ка / -ха* все же, независимо от субъективных намерений говорящего, продолжает нести в себе элемент даже некоторого пренебрежения к человеку: – *Где Манька-то? – спросил Егор, чувствуя, что скоро может сорваться... – Она сказала, что зайдет на минутку к соседям. – Галина Петровна присела на табуретку. – А почему вы её так – Манька?* (В. Шукшин. ЛЮБАВИНЫ); – *Как тебя зовут? – спросил Виктор. – Филипп. – Филька, значит? – Ну, можно и Филька. Только я не люблю, когда так называют. Вроде прозвища. Филипп лучше* (В. Распутин. ВНИЗ И ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ).

Эта форма передает оттенок фамильярности. Примером может служить отрывок из романа В. Шукшина «ЛЮБАВИНЫ», в котором односельчанина Елизара Колокольниковца, ставшего партсекретарем в деревне, называют привычной формой *Елизарка*: – *Так у нас же Елизарка теперь секретарит. – Егор улыбнулся* (В. Шукшин. ЛЮБАВИНЫ).

Проведённый анализ выделенных суффиксальных форм имени на *-ка / -ха* показал, что они составляют почти 50% всех суффиксальных производных имён, выделенных из анализируемых произведений, оставаясь, таким образом, самыми распространёнными в общении и в XX в. Суффикс *-к-* может присоединяться к полной форме имени, например, *Татьянка, Филиппка*, и к сокращённой форме этих же имён, например, *Танька, Филька*. Некоторые имена в анализируемых произведениях имеют более двух производных форм на *-ка / -ха*, например, *Гуска, Гутька* (от *Августа*); *Аганька, Агашка* (от *Агафия*), *Агашка, Грунька, Грушка* (от *Агриппина*); *Алька, Алевтинка* (от *Алевтина*), *Сашка, Санька, Сенька, Шурка* (от *Александр*); *Анька, Нюраха, Нюрка* (от *Анна*); *Валька, Валюха* (от *Валентина*), *Варка, Варуха* (от *Варвара*), *Анфиска, Фиска* (от *Анфиса*), *Апронька, Пронька* (от *Апрониан*), *Анька, Нюраха, Нюрка* (от *Анна*), *Вовка, Володька* (от *Владимир*); *Витька, Витюха* (от *Виктор*), *Гринька, Гришка* (от *Григорий*); *Лизка, Лизуха* (от *Елизавета*), *Ванька, Ванюха, Ивашка* (от *Иван*) и др.

Однако в подавляющем большинстве проанализированных случаев формы на *-ка / -ха* лишены пренебрежительной коннотации. Они уже не содержат того уничижительного значе-

ния, о котором писал В.Г. Белинский, и употребляются по традиции, отражая многовековой способ именования, закрепленный в языке, характеризуют народный стиль речи: *У Марьюшки, или – по-уличному – Марьки, Федосьиной свекрови, в молодости была худая слава* (Ф. Абрамов. НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН); *– Вот погостю у тебя и пойду! Дунька* (жена – Л.З.) *пусть лучше не перечит и не докучает: ушибить могу* (В. Астафьев. Дядя Филипп – СУДОВОЙ МЕХАНИК); *... она понимает, что там, позади, может быть только Сенька, сын её, зашибленный лесиной* (В. Распутин. ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ).

Форма имени на -ка / -ха является обычной в современном устном общении среди деревенского и части городского населения. Например: *Возле большого штабеля бревен, гулко охая, бил деревянной колотушкой Мишка Коршуков, забивая сухой берёзовый клин в распиленный сутунок. <...> Вообще-то он был, конечно, Михаил, вполне взрослый человек, но так уж все его звали на селе – Мишка и Мишка* (В. Астафьев. ГУСИ В ПОЛЫНЬЕ); *Мишка Толстых, плотник СМУ-7 <...> возвращался из гостей восвояси* (В. Шукшин. ГЕНЕРАЛ МАЛАФЕЙКИН); *В своей деревне смельчаков (жениться на Федосье – Л.З.), однако, не оказалось, и в соседних деревнях храбрость не взбурлила ключом, а вот Мартыха Порохин из Копаней ни минуты не раздумывал. На коня вскочил и поскакал сломя голову – только бы не опоздать* (Ф. Абрамов. ЧИСТАЯ КНИГА); *– Надеха! Надеха, глупая! – закричала Авдотья. – Не съедят твоего Паньку. Дай ты ему с ребятами-то поиграть* (Ф. Абрамов. ПРОЛЕТАЛИ ЛЕБЕДИ).

Форма на -ка типична для наименования маленьких детей в деревне и приобретает уменьшительное значение: *– Я ить не себе, – сказала старуха. – Мне ниче-о не надо. Я это Нинке, холёсенькой моей* (В. Распутин. ПОСЛЕДНИЙ СРОК); *Во весь голос ревела, сидя на полу, видно только что отпеленанная, самая младшая, Лидка, родившаяся уже без отца; всхлипывал возле кровати Петька; отвернулся к окну старший, Родька* (В. Распутин. ЖИВИ И ПОМНИ); *– А возле неё (матери – Л.З.) по обе стороны рассыпанной поленицей ребятишки: белоголовая Татьяна с протянутой к груди матери ручонкой; Лизка с распухшим, посинелым лицом – эта все понимает; Петька и Гришка, прижавшиеся друг к другу; толсто-*

щекий, разогревшийся во сне Федюшка (Ф. Абрамов. ПРЯСЛИНЫ).

Формы на -ка могут указывать на отношения близости, даже теплоты, например: *Вспомнился мой друг Ванька Ермолаев, слесарь* (В. Шукшин. ВОСКРЕСНАЯ ТОСКА); *Родные Петьки Краснова собрались послушать, как он ездил на юг лечить радикулит* (В. Шукшин. ПЕТЬКА КРАСНОВ РАССКАЗЫВАЕТ).

Отмечается, что форма на -ка может передавать оттенок ласкательности, например: – *А мне только пиджак новый сшили, хороший пиджак, бобриковый... Как раз к свадьбе и сшили-то, Егорка же и дал деньжонок...* (В. Шукшин. ЧУЖИЕ). Эта форма может выражать кокетство: *Они (Борис и Люся – Л.З.) дурачились, забыв о том, что шуметь-то особенно и не надо бы. – У-у, увуой! Нельзя так! Я тоже проголодалась, – попрекнула она его и, схватив халат, выскользнула и зашуршала за дверью одеждой. – Эй, человек! – Борька, не балуй! – просунула она лицо меж занавесок, и было в её быстрых, совсем уж приблизившихся чёрных глазах столько всего, что Борис не выдержал, рванулся к ней, но она сомкнула перед ним занавески...* (В. Астафьев. ПАСТУХ И ПАСТУШКА).

Сами писатели говорят о своих героях в тональности, которая близка деревенским жителям и тем, в ком живы деревенские корни: *Весной, в начале сева, в Быстрянке появился новый парень – шофер Пашка Холманский* (В. Шукшин. КЛАССНЫЙ ВОДИТЕЛЬ); *Когда даешь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост и грива* (В. Астафьев. КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ); *Сын его, Венька, учится в школе на Усть-Маре и приезжает домой на лето, а дочка Пашка ещё мала* (В. Астафьев. ПЕРЕВАЛ.); *Илюха с попом сидели как раз за столом, попивали спирт и беседовали* (В. Шукшин. ВЕРЮ!). Это придает повествованию характер непринужденности, достоверности в описании деревенской жизни.

Форма имени на -ка / -ха отмечается и в названиях произведений. У В. Шукшина это рассказы «ЛЁНЬКА», «ГРИШКА МАЛЮГИН», «ИГНАХА ПРИЕХАЛ», «СТЁПКА», «ВАНЬКА ТЕПЛЯШИН», «ПЕТЬКА КРАСНОВ РАССКАЗЫВАЕТ», роман «СТЕНЬКА РАЗИН»; у В. Астафьева – рассказ «ЯШКА-ЛОСЬ», у Ф. Абрамова рассказ «СТЁПКА», повесть «АЛЬКА».

Суффикс *-к-* может накладываться на некоторые суффиксальные формы, образуя сложные суффиксы. Например, основа с суффиксом *-ша*, при добавлении суффикса *-к-* образует суффикс *-шка* (*Алёшка, Аркашка, Игнашка, Илюшка, Кешка, Малашка, Маришка, Нюрашка, Пашка, Тимошка, Тишка, Харитошка* и др.), придающий именам фамильярно-ласкательную окраску: – *Игнашка!.. – сказал он и пошел навстречу Игнатию. Игнатий бросил чемоданы. Облапали друг друга, трижды – крест-накрест – поцеловались* (В. Шукшин. ИГНАХА ПРИЕХАЛ). Эта форма имени может передавать неуважительное отношение к взрослому человеку, что отмечается в следующем примере: *Был у нас поп Николай (по-старому отец Николай), в народе его звали **Николашка**, как никакого авторитета не имел...* (В. Шукшин. МУЖИК ДЕРЯБИН). В других случаях она может быть нейтральной, отражая привычную форму именованного, например, детей: *А матери было-таки и в самом деле худо. Она морщилась от боли, закусывала сухие, обветренные губы и под конец, когда явилась с вечерним молоком **Татьянка**, накинулась на брата. Из-за коровника. Из-за того, что Пётр Житов с **Игнашкой** Баявым, как сообщила **Татьянка**, распьянехонькие бродят по улице* (Ф. Абрамов. ПРЯСЛИНЫ). Суффиксальная форма имени на *-ка* обычна для именованного родственников в повседневном общении: – *Да вас же на волосок только не раскулачили в двадцать девятом году! Ты забыла? Какая у тебя память-то дырявая. Мой же брат, **Аркашка**, заступился за вас* (В. Шукшин. ПИСЬМО).

Единственным способом передачи русских имён собственных в английских переводах произведений В. Шукшина и В. Распутина является транскрибирование, т.е. фонемное уподобление имени собственного, звучащего на языке оригинала (русском), новому имени, формируемому в тексте перевода (английском). В письменном переводе используются графические знаки, принятые для записи фонемы, подобной фонеме подлинника. Этот способ применялся и к формам личного имени собственного с суффиксом *-к-*, например: ***Юрка** вскочил и опять начал ходить по избе* (В. Шукшин. КОСМОС, НЕРВНАЯ СИСТЕМА И ШМАТ САЛА). – ***Yurka** jumped up and started pacing the room again* (V. Shukshin. OUTER SPACE, NERVOUS SYSTEM AND A SLAB OF FATBACK. Перевод: Robert Daglish). Мы также отмечаем транскрибирование следующих форм: *Анисимка – Ani-*

ситка, *Бронька* – *Bronka*, *Ванька* – *Vanka*, *Васька* – *Vaska*, *Витька* – *Vitka*, *Глашка* – *Glashka*, *Гринька* – *Grinka*, *Клавка* – *Klavka*, *Колька* – *Kolka*, *Лизка* – *Lizka*, *Минька* – *Minka*, *Митька* – *Mitka*, *Мишка* – *Mishka*, *Мотька* – *Motka*, *Нинка* – *Ninka*, *Пашка* – *Pashka*, *Сёмка* – *Syotka*, *Спирька* – *Spirka*, *Федька* – *Fedka*, *Шурка* – *Shurka* и др.

Однако соблюдение принципа пофонемной передачи суффиксальной формы имени на -ка на английский язык не всегда соблюдалось. Отмечаются случаи замены их на полную транскрибированную форму: – *Была, **Илюха!** Была ноченька* (В. Шукшин. СУРАЗ). – “*I have, **Луа!** I’ve had a night of it*” (V. Shukshin. THE BASTARD. Перевод: Robert Daglish). В последнем случае доверительно-дружеский тон общения в переводе не сохраняется.

Изменение форм русского имени собственного всегда имплицитно насыщено. Наш анализ подтвердил выводы Г.В. Томахина, что ономастическая лексика в целом обладает высокой национально-культурной маркированностью. Любой антропоним в сфере языка и культуры воспринимается на фоне определённых ассоциаций, основанных на некоторых признаках обозначаемого им объекта, причем фоновые знания, которыми обладают носители данного языка и культуры, существенно отличаются не только объёмом, но и формой их существования (Томахин 1988: 115).

Замена суффиксальных форм их полными транскрибированными формами отмечается и в других переводах. Например, имя *Галька* в повести В. Распутина «ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ» переводчица Margaret Wettle заменила на транскрибированный вариант полной формы *Galya*. Суффиксальная форма *Витька* транскрибировалась как *Vitka*, например: *Перед ним стоял **Витька**... – **Vitka** was standing in front of him...* Однако в отдельных предложениях переводчица заменяет формы *Витька* (*Vitka*) на *Витя* (*Vitya*): ... *Кузьма подмигнул **Витьке**, показал на стаканы: – Давай меняться. – **Витька** удивился, радостно встрепенулся. — **Kuzma** winked to **Vitka**, pointed to his glass and said: “Let’s swap”. **Vitya** was surprised and delighted.* Ещё один пример: *На крыльце сидел **Витька**, старший из ребят... – **Vitya**, his eldest son, was sitting on the porch...* (V. Rasputin. MONEY FOR MARIA). Такая замена не передаёт просторечный характер повествования, избранный автором, и является, на наш взгляд, необоснованной, т.к. не от-

вечает прагматической установке автора, тем более, что в тексте перевода уже использовались две формы имени.

Перевод форм *Митька* и *Митрий* одной транскрибированной формой *Minka*, например, не может передать смену тональности общения в следующем отрывке: – *Я на Миньку в прошлом году обиделся... Я снимаю свой упрёк, Митрий. Учись.* (В. Шукшин. И РАЗЫГРАЛИСЬ ЖЕ КОНИ В ПОЛЕ). – *“Now I take my words back, Minka. Go ahead and study”* (V. Shukshin. SEE THE HORSES GALLOP. Перевод: Robert Daglish).

Неподготовленному английскому читателю различать стилистические оттенки русского собственного имени в транскрибированном варианте, указывающем на изменение тональности общения, довольно-таки тяжело, и, как отмечают С. Влахов и С. Флорин, «выйти из этого положения без потерь почти невозможно» (Влахов, Флорин 1980: 223). Не случайно в Книге для чтения с комментарием на русском языке, предназначенной для знакомства иностранных читателей с рассказами Василия Шукшина, формам и вариантам личных имён собственных даются пояснения.

В переводе рассказа В. Шукшина «УПОРНЫЙ» формы имени Дмитрий *Митрий*, *Моня*, *Мотя*, *Мотька* передаются переводчиком способом транскрибирования *Mitry*, *Monya*, *Motya*, *Motka*, но суффиксальная форма *Митька* – способом транскрибирования формы *Митя* – *Mitya*: *Его звали – Митька, Дмитрий, но бабка звала его – Митрий, а ласково – Мотька, Мотя. А уж дружки переделали в Моню – так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Моня, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер.* – *His real name was Dmitry, or Mitya for short. But his grandmother called him Mitry, and sometimes Motka or Motya when she was feeling particularly affectionate. It was his friends who dubbed him Monya, since this seemed more suitable for the fidgety lad. It distinguished him from the others and emphasized his restless, obstinate character* (V. Shukshin. THE STUBBORN FELLOW. Перевод: Holly Smith). Эта замена в данном конкретном случае на фоне большого количества других форм одного и того же имени не несет ощутимых потерь в стилистическом и семантическом отношениях.

В следующих примерах замена в переводе суффиксальных форм имени их сокращенными формами, нейтральными в

стилистическом отношении, нивелирует разговорный стиль речи: – *Перво-наперво подай на Мишку на алименты. Маньке напиши, чтоб парнишку учила. – А Петьке что сказать? – спросила старуха* (В. Шукшин. КАК УМИРАЛ СТАРИК). – *“First of all, try to get some old-age support from Mishka. Write to Manya and say that boy of hers needs an education”. “What should I say to Petya?” – asked the old woman* (V. Shukshin. HOW THE OLD MAN DIED. Перевод: Holly Smith). В другом же рассказе В. Шукшина «ВАНЬКА ТЕПЛЯШИН» встречаются три формы имени – полная *Иван*, сокращенная *Ваня* и суффиксальная *Ванька*. Переводчица Holly Smith передает все эти три формы имени транскрибированием суффиксальной формы *Ванька* – *Vanka* (V. Shukshin. VANKA TEPLYASHIN). Доверительность фразы «Где, **Ваня?**» — *“Where is she, Vanka?”* и подчеркнутое уважение в реплике «*Не в этом дело. Зря, ты, Иван.*» — *“That’s not the point, Vanka.”* в английском переводе не передаются.

Таким образом, формы имён на *-ка /-ха* выражают грубоватую непосредственность, фамильярность, с одной стороны, и могут содержать коннотации доверительности, ласковости, с другой, но всякий раз в рамках определённого контекста, ситуации. В этих случаях они стилистически маркированы. Русские личные имена собственные относятся к безэквивалентным лексическим единицам с ярко выраженными национально-культурными особенностями, проявляющимися на фонетическом, структурно-языковом, морфологическом, стилистическом уровнях. Выбор форм для поддержания определённой тональности общения и её смены предопределен нормами речевого поведения, выработанными в обществе. Любая смена в использовании формы имени стилистически значима и является средством характеристики коммуникантов и коммуникативной ситуации. В связи с национально-культурной спецификой русских личных имён собственных адекватное восприятие транскрибированных форм с суффиксом *-к-* для англоязычного читателя затруднено, что требует от переводчика поиска средств компенсации потерь при переводе, чтобы избежать коммуникативного провала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания: Ономастика / А.А. Белецкий. – Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 209 с.
2. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. яз, 1980. – 320 с.

3. Королёва И.А. Становление русской антропонимической системы: Дис. ...д-ра филол. наук / И.А. Королёва. – М., 2000. – 387с.
4. Никонов В.А. Русская адаптация иноязычных личных имён / В.А.Никонов // Ономастика. – М. : Наука, 1969. – С.54-78.
5. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ / А.М. Селищев // Избр. труды. М. : Просвещение, 1968. – 640 с.
6. Томахин Г.Д. Америка через американизмы / Г.Д. Томахин. – М. : Высшая школа, 1988. – 239с.
7. Чернобров А.А. Лингвострановедческий анализ английских личных имён: Дис. ... канд. филол. наук / А.А. Чернобров. – М., 1994 – 284 с.

Источники

1. Белинский В.Г. Письмо к Гоголю. Избр.соч. – М., 1947. – С.616.
2. Шукшин В.М. Рассказы. Книга для чтения с комментарием на русском языке. – М. : Рус. яз, 1981. – 312 с.
3. Rasputin V. Money for Maria. Stories. – М., 1989.
4. Shukshin V. I want to Live. – М., 1978.
5. Shukshin V. Short Stories. – М., 1990.

Получено 15.05.2007 Институт менеджмента, маркетинга и финансов (г. Воронеж)

Зубкова, Людмила Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Института менеджмента, маркетинга и финансов (г. Воронеж); olc@ immf.ru.